

УДК 943.085.2

DOI: 10.17223/19988613/57/8

С.В. Артамошин

ЭРНСТ ЮНГЕР И ВОЕННЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОКОЛЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается опыт военных переживаний поколения Великой войны на примере анализа творчества Эрнста Юнгера. Военные наблюдения Э. Юнгера представляют собой опыт размышления о природе войны, ее изменении. Автор выделяет особенности интерпретации Э. Юнгером исторической памяти о войне в германском обществе периода Веймарской республики. Показано, каким образом опыт переживаний войны повлиял на формирование консервативной революции как интеллектуального направления германской мысли этого времени.

Ключевые слова: Э. Юнгер; Первая мировая война; военные переживания.

События Первой мировой войны носили переломный характер. Эта война, или как ее было принято называть в начале XX в. и как до сих пор она называется в германской историографии – Великая война, была этапом перехода традиционного общества к модернистскому. Крушение ведущих европейских империй и вместе с этим закат монархической формы знаменовали собой победу республиканизма и ценностей Французской революции. Хотя об этом не говорилось напрямую, но принцип монархизма, противопоставлявшийся революционным идеям французской революции, был завершен. Вместе с тем война, объявленная мировой, в большей степени была локализована в Европе, пройдя огненным смерчем по европейскому пространству, выжигая не только местность, но и души европейцев. Технический характер войны осуществлял нивелировку человека, значимости и влияния индивидуальных действий воинов на характер войны. Техника пожирала человека, превращая его в человеческий материал на службе орудий уничтожения. Война приобретала новейшие черты, которые делали войны XIX в. реликтом прошлого. Ведение войны приобретало совершенно иной характер, влияя на морально-ценностные принципы воюющих стран.

Творчество немецкого писателя и мыслителя, фронтовика Великой войны Эрнста Юнгера достаточно разнопланово и многогранно, чтобы сводить его к единому знаменателю. Но в нем прослеживается линия, которая в определенный период его жизни была основной и предопределяла его известность в литературном мире. Речь идет о его военных произведениях, написанных в первые годы после окончания Великой войны и отражающих стремление автора понять, чем была эта война для его поколения, в чем состояла эта кровавая, разрушительная школа жизни, воспитавшая и закалившая молодых людей в горниле сражений. Особенностью подхода Э. Юнгера было то, что он, как сейсмограф, регистрировал и наблюдал за глобальными изменениями в пространстве политических и военных столкновений, душевных и психологических переломов в жизни солдат, стихийном разрушении пространства природы, трансформации мира. Роли участника и наблюдателя позволяли Юнгеру с определенной дистанции увидеть в глобальном военном противостоя-

нии черты наступления технического века и рождения нового мира.

Становление нового мира в Германии после Великой войны привело к политико-идеологической гражданской войне в веймарском обществе, активным участником которой был и Эрнст Юнгер. Им было произведено объединение военных переживаний и принципов нового национализма, входивших в интеллектуальный мир консервативной революции [1, 2]. Российский историк О. Терехов отмечает, что «консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера... Ее деятели стремились обновить германский консерватизм и придать ему современный и динамический характер» [3. С. 5]. Идеологические и экзистенциальные принципы Э. Юнгера, вливаясь в консервативную революцию, позволяли ему сохранять мир военных переживаний в политической деятельности. Следует отметить, что «движение консервативной революции создало поле для политической критики веймарской системы, для пропаганды преобразования германского государства в националистическом духе, что, по мнению консервативных революционеров, покончило бы с внешнеполитическим унижением и внутривнутриполитической слабостью. Идеи консервативной революции сформировали критический слой, атаковавший Веймарскую республику, но их политические взгляды были ориентированы на образованные и интеллектуальные слои общества, на националистически настроенных граждан “среднего класса”. Между тем улицы, люмпенами и пролетариями овладевали политические радикалы правого и левого толков» [1. С. 5]. Радикализм политико-идеологической гражданской войны в Германии имел свои истоки в изменениях человеческой природы, произошедшей под воздействием Великой войны.

Начало Великой войны сопровождалось небывалым эмоциональным подъемом в Германии, достижением политического единства и партийно-политического примирения. Массы добровольцев записывались в призывных пунктах, среди них был и Эрнст Юнгер. Говоря о его мотивации, германский исследователь Х. Кизель полагает, что мотивы, определившие уход юноши на фронт, имели «не политическую или национали-

стическую, а совершенно эгоистическую природу... Он хотел уйти из школы и пережить рискованное приключение» [10. S. 42–43]. В книге «В стальных грозах» Э. Юнгер объясняет стремление принять участие в войне чувством опьянения, романтическими иллюзиями мужского поединка. «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах» [4. С. 35]. В романе «Лейтенант Штурм» в словах молодого лейтенанта звучит стремление понять смысл произошедшего, что позволит автору определить свое место в этих событиях. «Что за этим стояло? Отчизна? Да, конечно, и Штурм не мог не поддаться хмелю 1914 года. Но лишь после того, как его дух абстрагировался от идеи отчизны, на него повеяло всей мощью силы, которая двигала им. Теперь принадлежащие к разным народам давно казались ему влюбленными, из которых каждый клянется в верности одной-единственной и не подозревает, что все они одержимы *одной* любовью... Что повлекло его в армию, оторвав от докторской диссертации? Что еще, если не война, которая была у него в крови, как было свойственно каждому настоящему сыну своего времени, задолго до того как она огнедышащим зверем устремилась на арену явлений» [5. С. 54–55]. Особенностью принятого решения было то, что оно было связано с риском для жизни, с вступлением в пространство смерти. Как справедливо отмечала М. Хитала, юнгеровские переживания войны были «рискованным опытом, связанным с сильным акцентом на душевные переживания» [7. S. 43].

Романтические представления о войне исчезают, как только происходит столкновение с реальностью, так как возникает вероятность реальной смерти в бою. Бой снимает с солдата камуфляж эстетической красоты воинской службы, бросая его в ситуацию готовности убийства. Э. Юнгер писал: «Да, суeta в сражающихся группах избранных представителей наций, бесстрашно нападающих через насыпь, надрессированных, со свистком и коротким криком бросающихся на смерть. Встретившиеся две группы таких бойцов в коротких движениях раскаленной пустыни, как наскок вместе воплощения бесцеремонной воли двух народов. Это было вершиной войны, высшим пунктом, возвышающим все ужасы, что прежде разрывали нервы. Замерзшие секунды тишины, схваченные взглядом, идут вперед. Затем доносящийся еще крик, обрывистый, дикий, кроваво-красный, обжигающий мозг, раскаленное, обжигающее клеймо. Этот крик срывает покров с сомнительного, непредвиденного мира чувств, он заставляет каждого, кто его слышит, быстро рвануться вперед, к “становлению” быть убитыми или убивающими» [9. S. 28–29]. Э. Юнгер совершенно четко обозначил черту перехода между состоянием мирного и военного существования, когда в бою воин стремится к единственному – к уничтожению врага любым способом, что и является сущностью боя. «Здесь я понял, что защитник, с расстояния пяти шагов вгоняющий пули в живот захватчику, на пощаду рассчитывать не может. Боец, которому в момент атаки кровавый туман застилает глаза, не хочет брать

пленных, он хочет убивать» [4. С. 279]. Окопная война Великой войны представляла собой монотонные столкновения на узком пространстве, которые приобретали черты механического процесса.

Обладея «телескопическим взглядом» [12. S. 137], Э. Юнгер выделил отличительную особенность войны, состоявшую в господстве техники и нивелировке роли солдат на поле боя. Доминирование техники на поле боя выражалось в повышении роли артиллерии, особенно тяжелой, в уничтожении боевых порядков противника, выделении пулеметов как средства массового уничтожения солдат, стиравших индивидуальность бойцов и их значение в атаке, придании особого внимания качеству инженерных сооружений для проведения оборонительных действий. Массированный артиллерийский огонь, массовое применение пулеметов и окопная система оборонительных позиций придавали новый облик Великой войне, делая ее войной техники, что не переставал подчеркивать Э. Юнгер. По мнению Б. Цимана, переживание войны машин привело к расширению ценностного горизонта юнгеровского мировоззрения [13. S. 89]. «Затерянность в пространстве смертельного одиночества, от которого негде скрыться, мощь стальных дальнбойных машин, невозможность передвигаться не иначе как ночью выдавали за произошедшее застывшую массу титана. В смерть бросались, не помня себя, и она настигала, приходя неизвестно откуда. Рассчитанный выстрел искусного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударам. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрыл определенную площадь в квадратных метрах большим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке. Грубый натиск масс на массы, кровавая схватка производства с производством, изделий с изделиями – вот что такое была битва» [5. С. 45]. Новый характер войны выражается в том, что солдат превращается в мастера фронта, в заменяемый элемент битвы. «Его добродетель заключается в том, что он может быть заменен, и что для каждого павшего в резерве уже имеется смена» [6. С. 231]. Индивидуальная роль солдата изменяется под возрастанием значения артиллерийского огня, она становится неважной. Человек превращается в материал, который погибает под ударами артиллерии. Война приобретает бесчеловечный характер.

Несмотря на возрастание роли техники в современной войне Э. Юнгер указывал на то, что ее применение воюющими сторонами не являлось основанием для победы, так как техника приобретает убийственную силу только в ее приложении к твердости человеческого духа, стойкости и решительности солдат. «Не в мощных укреплениях было дело, а в силе духа и бодрости людей, стоявших за ними» [4. С. 43]. Э. Юнгер указывает на объединение индивидуального и коллективного путем слияния солдата и его роты, единства действий, которое воспитывает решительность и придает мужество поступка. «Когда рота несла очередную потерю, все остальные стояли над телом убитого, и взгляды их соприкасались глубоко и смутно.

Но когда смерть грозным облаком нависала над окопами, тогда каждый был за себя, оставаясь один в темноте среди воя и скрежета, ослепленный взрывающимися молниями и не чувствуя в груди ничего, кроме безграничного одиночества» [5. С. 41]. В этой ситуации человек «пробует себя на зуб», и присутствие товарищей по роте делает его стойким, так как «трудно оказаться трусом на глазах у других» [Там же. С. 43, 72]. Таким образом, Э. Юнгер указывал на возникновение в ходе боев духовной, телесной и судьбоносной спайки солдата с совокупностью других бойцов, закладывавшей тем самым основы окопного братства.

Окопное братство представляло собой совокупность ценностных установок, общность судьбы в условиях ведения боевых действий. Оно было определено коллективным опытом переживания смертельной опасности, выживания под огнем артиллерийских налетов и фронтового товарищества. Эти ценности основывались на идеях долга, доблести, стойкости и самопожертвования. Опыт военных переживаний позволял противопоставить фронтовых солдат другим гражданам страны, акцентируя внимание на их способности к решительным действиям. В этом Э. Юнгер видел отличительную черту военного поколения, порожденную войной. «Сколько наших литераторов там (в Швейцарии. – С.А.) сидит в данный момент! Но какое различие между ними и нами, когда они созерцают и пишут, в то время как мы действуем!.. В сущности, не важно, кто под каким знаменем, очевидно одно: наша последняя пехтура или захудалый французский солдатик, стрелявший и заряжавший в битве на Марне, больше значит для мира, чем все книги, которые могут нагромоздить эти литераторы» [Там же. С. 68].

Характерные черты солдата Великой войны отражали стойкость защитников позиций, их готовность к гибели, но к гибели на боевом посту, выполняя воинский долг. «Образом солдата тех дней, каким его запечатлела моя память, был часовой, стоявший у амбразуры в остроконечной серой каске со сжатыми кулаками в карманах длинной шинели, пыхающий своей трубкой над ружейным прикладом» [4. С. 42]. На страницах книги Э. Юнгера отсутствует фиксация антивоенных настроений в германской армии в годы войны как не существующих. Автор не акцентирует внимания на усталости от войны, проявлениях уклонения и дезертирства, создавая картину длительного героического сражения, в котором меняются только местность и люди, но неизменными остаются решительность и готовность к победе. Проявления слабости и трусости отдельных солдат под интенсивным артиллерийским огнем лишь упоминаются вскользь как негативный контраст по отношению к тем, кто по сигналу атаки бросается в огонь сражения [5. С. 43–44].

Юнгеровский взгляд на войну представляет собой картину героического подвига, в котором просматриваются ее разрушительные черты, воспринимаемые им как элемент военных действий. Он не уделяет этому особого внимания, а фиксирует его как данность. Э. Юнгер позволяет увидеть и почувствовать войну, чему способствует метафоричность текста «В стальных грозах».

Х. Кизель выделял три блока метафор войны, создающих единую картину происходившего. Во-первых, война отражается как природное событие. Подъем войск в наступление представляется как накат морской волны, сама атака – как шторм, сопровождающийся вулканическими и апокалипсическими сценами. Во-вторых, война рассматривается как спектакль, сопровождаемый акустическими и визуальными действиями, мелодией боя и артиллерийского удара, танцем смерти. В-третьих, война выступает как образ, как метафора превращения [11. С. 180–181].

Образ немецкого солдата наделен Э. Юнгером героическими чертами и представляет собой совершенно новое явление, отличающееся от кайзеровской армии начала Великой войны. Подчеркивая это отличие, автор называет солдат мировой войны «новой расой», с которой он связывает надежду на определяющую роль в послевоенной Германии, уподобляя их птице Финикусу. «Гибкое, худощавое, жилистое тело, характерное лицо, окаменевшие под каской глаза с тысячей страхов. Он ликвидатор, стальная натура, настроенная на борьбу в своей ужасающей форме... Жонглер смерти, мастер взрывчатки и пламени, великолепный хищник, быстро перебегающий в траншеях» [9. С. 33]. В героических и воинских чертах солдата войны, которые описывает Э. Юнгер, Х. Кизель видит аналогию с картиной героического, отраженного в «Илиаде», что позволяет говорить о гомеровском критерии героического в его произведениях [11. С. 185]. «Сражения мировой войны имели и свои великие мгновения. Это знает каждый, кто видел этих властителей окопов с суровыми, решительными лицами, отчаянно храбрых, передвигающихся гибкими и упругими прыжками, с острым и кровожадным взглядом, – героев, не числящихся в списках. Окопная война – самая кровавая, дикая, жестокая из всех войн, но и у нее были мужи, дожившие до своего часа, – безвестные, но отважные воины. Среди воинствующих моментов войны ни один не имеет такой силы, как встреча командиров двух ударных частей между узкими глинобитными стенами окопа. Здесь не может быть ни отступления, ни пощады. Кровь слышна в пронзительном крике прозрения, кошмаром исторгающегося из груди» [4. С. 256].

Отличительной чертой юнгеровского взгляда на войну является признание ее конструктивного характера. Разрушения и огромные жертвы мировой войны отступали в его представлении на второй план перед созданным новым слоем людей, «новой расой», в руках которой будет строительство нового мира на основе новых ценностей, рожденных войной. Брат Э. Юнгера Фридрих Георг Юнгер писал, что война породила «тот солдатский тип, который тверд, трезв, кровав и беспрерывен, образующий развертывающийся материал битвы. Его характеризуют нервный шаг рожденного борца, выражение его одинокой ответственности, душевного одиночества. Этот круг был всегда продолжен в глубоком слое, сохранившем свой ранг. Путь, которым он шел, был узок и опасен, но это был путь, который вел в будущее» [8. С. 65].

Военный опыт фронтового поколения играл созидательную и воспитательную роль для германского

общества, в представлении Э. Юнгера был кузницей становления нового человека, прошедшего сквозь испытания войны техники, что выработало в нем готовность к самостоятельным решительным действиям, к взятию ответственности на себя за судьбу Отечества.

Э. Юнгер видел в военном опыте героическую сторону, формирующую окопное братство, основанное на общности переживаний, фронтового опыта и причастности к переломному событию мировой истории – Великой войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб. : Владимир Даль, 2018.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции «консервативной революции». Брянск : Брянский гос. ун-т, 2011.
3. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы исследования. Кемерово, 2011.
4. Юнгер Э. В стальных грозах / пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб. : Владимир Даль, 2000.
5. Юнгер Э. Лейтенант Штурм // Юнгер Э. Рискующее сердце / пер. с нем. В.Б. Микушевича. СПб. : Владимир Даль, 2010.
6. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб. : Наука, 2000.
7. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933. Helsinki, 1975.
8. Jünger F.G. Krieg und Krieger // Krieg und Krieger, hrsg. v. E. Jünger. Berlin, 1930.
9. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922.
10. Jünger E. In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. v. H. Kiesel. Stuttgart: Clett-Kotta, 2013. Bd. 2: Variantenverzeichnis und Materialen.
11. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. München: Pantheon, 2009.
12. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. Stuttgart: Clett-Kotta, 2014.
13. Ziemann B. Gewalt in Ersten Weltkrieg. Töten-Überleben-Verweigern. Essen: Klartext, 2013.

Artamoshin Sergey V. Bryansk State University (Bryansk, Russia). E-mail: artamoshinsv@mail.ru

ERNST JÜNGER AND THE WAR EXPERIENCE OF THE GREAT WAR GENERATION

Keywords: E. Jünger; First World War; military experiences.

The First World War was a global turning point in world history. Understanding the experience of the war, proposed by Ernst Jünger, was a heroic chronicle of the fighting, describing the exploits and everyday life of hostilities and is a clear indication of the experiences of war. Ernst Jünger acted as a seismograph of the war, capable of identifying the special features of the new war and their influence on the transformation of the soldier's worldview in the context of hostilities.

The purpose of the article is to examine the influence of military experiences on the worldview of the military generation on the example of thinking about the war of Ernst Jünger. Sources of research were the works of Ernst Jünger on the First World War, his military diaries.

The specifics of understanding the First World War in Germany was associated with the process of identifying participants in the war after its completion. The clash of the military and the revolutionary generation led to the condemnation of war as a phenomenon and leveling the significance of the activities of its participants. Ernst Jünger in his writings on the war, including the famous book “In Steel Thunderstorms”, interprets war as not only destructive force, but also a creative phenomenon that shaped new values and forged character. Junger notes the key feature of the war - the role of technology in battles, which erases the value of the individual aspirations of soldiers. However, despite the technical face of the war, he claims that the resilience of the troops depended on the courage of the soldiers sitting in the trenches. Military experience has formed among the soldiers the values of front-line brotherhood based on loyalty, self-sacrifice, perseverance. A distinctive feature of the generation of the First World War, he considers determination and readiness for action, which the burghers lack. In his picture of war, there are no anti-war and pacifist elements, which he interpreted as manifestations of weakness. E. Jünger does not consider the military generation to be a “lost generation”, seeing in it a willingness and determination to change the world on the basis of the values of duty and service. E. Jünger discourse on the military generation, inscribed in the intellectual direction of the conservative revolution in Germany, served not only to criticize the revolutionary Weimar Republic, but also acted as a guide to the formation of the future German state.

An important role of observation E. Jünger played in the understanding of the image of a man in a war, the analysis of the everyday life of hostilities. Understanding of the military experiences, outlined by E. Jünger, made a significant contribution to the understanding of the military generation of the First World War.

REFERENCES

1. Artamoshin, S.V. (2018) *Konservativnaya revolyutsiya v intellektual'nom prostranstve Veymarskoy respubliki* [Conservative revolution in the intellectual space of the Weimar Republic]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
2. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii "konservativnoy revolyutsii"* [Concepts and positions of the “conservative revolution”]. Bryansk: Bryansk State University.
3. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublike v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy issledovaniya* [The phenomenon of “conservative revolution” in the Weimar Republic in the historiography of Germany: the basic concepts and problems of research]. Kemerovo: [s.n.].
4. Jünger, E. (2000a) *V stal'nykh grozakh* [In steel thunderstorms]. Translated from German by N.O. Guchinskaya, V.G. Notkina. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
5. Jünger, E. (2010) *Riskuyushchee serdtse* [Risking Heart]. Translated from German by V.B. Mikushevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Jünger, E. (2000b) *Rabochiy. Gospodstvo i geshtal't; Total'naya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Domination and gestalt; Total mobilization; About pain]. Translated from German by A.V. Mikhaylovsky. St. Petersburg: Nauka.
7. Hietala, M. (1975) *Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933* [The new nationalism: in the journalism of Ernst Jünger and the circle around him. 1920–1933]. Helsinki.
8. Jünger, F.G. (1930) *Krieg und Krieger* [War and Warrior]. In: Jünger, F.G. (ed.) *Krieg und Krieger* [War and Warrior]. Berlin: Junker & Dünhaupt.
9. Jünger, E. (1922) *Der Kampf als inneres Erlebnis* [The struggle as an inner experience]. Berlin: E.S. Mittler & Sohn.
10. Jünger, E. (2013) *In Stahlgewittern* [In steel storms]. Vol. 2. Stuttgart: Clett-Kotta.
11. Kiesel, H. (2009) *Ernst Jünger. Die Biographie* [Ernst Jünger. The biography]. Munich: Pantheon.
12. Schwilk, H. (2014) *Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie* [Ernst Jünger. A century of life. The biography]. Stuttgart: Clett-Kotta.
13. Ziemann, B. (2013) *Gewalt in Ersten Weltkrieg. Töten-Überleben-Verweigern* [Violence in World War I. Kill-Überleben-Deny]. Essen: Klartext.